

И. М. ГРИЦЕВСКАЯ

Индексы истинных и ложных книг в Волоколамском монастыре

История индексов истинных и ложных книг красной нитью вплетается в историю русского чтения и письма, отражая, как в зеркале, процессы, происходящие в этой области. «Мы плохо знаем книги, которые читали писатели Древней Руси». Эта мысль, высказанная Г. М. Прохоровым в 1987 г.,¹ долго еще останется актуальной, и одним из шагов к разрешению данной проблемы, надо надеяться, послужит и настоящая статья.

Понимание эволюции келейного монашеского чтения, полученное при анализе индексов, проясняет многие процессы, скрытые до сей поры от внимания исследователей. Представляется, что история индексов истинных и ложных книг связана не только с развитием древнерусской книжности как таковой, но и в целом с развитием монашеской культуры на Руси, и это прекрасно осознавалось и самими монахами-книжниками. Конвой индексов, их окружение в древнерусских сборниках впечатляет. Очень часто это ключевые для своего исторического периода переводные и оригинальные памятники, представляющие центральное направление в современной им книжности.

При этом сборники, включающие наиболее значимые списки индексов, не были безлики и с точки зрения принадлежности к определенным направлениям в древнерусской книжности. Выявленные редакции и группы индексов были теснейшим образом связаны с разными центрами книжной культуры Древней Руси.

Книжники Кирилло-Белозерского, Волоколамского, Соловецкого монастырей, Геннадиевского книжного кружка, Троице-Сергиева и, возможно, Симонова монастырей всегда держали этот памятник в сфере своего внимания. Они постоянно перестраивали репертуар книг, заключенный в индексе, приспособливая его к своему представлению о репертуаре необходимых для монашеского чтения книг.

Появление многочисленных редакций и текстовых вариантов этих памятников на протяжении XV—XVII вв. свидетельствует о непрекращающемся интересе к нему и о том, что индекс отражал реальные процессы, происходящие в круге чтения древнерусских книжников.

¹ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 3.

Особенно важным представляется исследование картины связей между различными книжными центрами, проявляющейся при изучении редакций и текстовых вариантов индексов. Часто редакции, созданные в одном книжном центре, продолжали свое бытование в другом и завершали развитие в третьем. Изменения, возникающие в этом случае, чрезвычайно показательны для изучения взаимовлияний различных направлений русской средневековой книжности.

В частности, исследование видоизменений индекса дает новый материал для изучения истории отношений между Кирилловским и Волоколамским монастырями в XV—XVI вв. Как известно, эта история весьма сложна и драматична. Иноки обоих монастырей и почитали друг друга, и уличали в ереси, и учились друг у друга, и анализировали «нелюбки». Отношения между этими двумя центрами древнерусского монашества являлись определяющими в развитии многих культурных тенденций того времени.

Наиболее распространенный (Основной) тип индекса истинных книг предположительно возник в Кирилло-Белозерском монастыре.² Данный вывод был сделан на том основании, что индексы занимали в книжности Кирилло-Белозерского монастыря совершенно особое место. В различных монастырских сборниках обнаружено 12 списков наиболее архаичных Кратких редакций этого памятника.³ Притом сборники, в которые входили индексы, являются чрезвычайно значимыми для кирилловской книжности. Это рукописи, связанные с именами Кирилла Белозерского, Ефросина Белозерского, Гурия Тушина, Паисия Ярославова. В кирилловских сборниках отражено большое разнообразие текстовых вариантов обеих наиболее ранних Кратких редакций индексов.

История индексов в Волоколамском монастыре не менее сложна и ярка, чем судьба этого памятника в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь также довольно много списков (всего 6) и много редакционных видоизменений текста. Только две рукописи включают индексы одной и той же редакции, но при явной текстуальной зависимости более поздний список имеет весьма важные изменения. Т. е. можно сказать, что в монастыре не сложилось единой, авторитетной традиции индекса, однако иноки вели большую работу над этим памятником, стараясь создать новый вариант перечня, подходящий для них. Различные этапы этой работы, их встроенность в общий кон-

² Ныне известно 136 списков Основного типа индекса, распадающихся на четыре редакции: Первую и Вторую краткие, Переходную и Расширенную. Наиболее значимая для данного исследования Вторая краткая редакция включает группы: 1-ю Кирилло-Белозерскую, 2-ю Кирилло-Белозерскую и Уставную. Подробнее см.: *Грицевская И. М.* Индексы истинных книг. СПб., 2003.

³ При анализе репертуара индексов Кратких редакций обнаруживается почти полное отсутствие указаний на книги, пришедшие на Русь в результате 2-го южнославянского влияния. Круг чтения, очерченный в Кратких редакциях, весьма архаичен для книжности начала XV в., когда, как можно предположить, он возник. В репертуар этих редакций входит от 40 до 52 названий и имен авторов, 40 из них я отношу к архетипическим для обеих редакций чтениям. Среди этих последних — 32 имени и названия были хорошо известны и широко распространены в русской книжности до середины XIV в. Подробнее об этом см.: *Грицевская И. М.* Индексы истинных книг в библиотеке Соловецкого монастыря // *Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: (Материалы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»)*. Петрозаводск, 2003. С. 353—356.

текст движения книжности прослеживаются при сопряжении изучения текстовых вариантов индексов и рассмотрения истории создания и состава сборников, содержащих древние библиографии.

Анализ этих сборников, как созданных в Волоколамском монастыре, так и хранившихся и изучавшихся там, является предметом настоящей статьи.

Список наиболее ранней редакции индекса из рукописи ГИМ (Епархиальное собр., № 367, конец XV в.), входившей в библиотеку Волоколамского монастыря, относится ко Второй краткой редакции 2-й Кирилло-Белозерской группы (обозначим данную текстовую группу индексов как 2КБ). Эта рукопись содержит сборник постоянного состава «Златая цепь». По классификации М. С. Крутовой, данная «Златая цепь» относится к 1-й группе 3-го типа памятников. Названный тип является самым многочисленным, наиболее ранние его списки датируются серединой XV в.⁴

История взаимоотношений индексов истинных и ложных книг и сборников, называемых «Златой цепью», достаточно сложна и требует особого разговора. Индексы разных редакций постоянно входили в «Златые цепи» 3-го типа. В частности, на протяжении XV в. были созданы три сборника «Златой цепи», включающие индекс группы 2КБ.

1. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 10/1087, «Златая цепь», 3-го типа 3-й группы, 1-я пол. XV в., л. 314—315 об.

2. ГИМ, Воскресенское собр., № 103, «Златая цепь», 3-го типа 1-й группы, 2-я пол. XV в., л. 126 об.

3. ГИМ, Епархиальное собр., № 367, «Златая цепь», 3-го типа 1-й группы, конец XV в., л. 256 об. (нет начала статьи: первого раздела ложных книг, библейских книг; нач.: «О книгах новаго же закона суть книзи апокалипсиса. иоан златоуст. иоан богослов. иоан екзархъ...»).

Два первых сборника происходят из Кирилло-Белозерского монастыря, третий сборник, особо интересующий нас в рамках данной статьи, принадлежал к собранию Волоколамского монастыря. К сожалению, в настоящее время невозможно определить место создания этого сборника (писцовая запись утрачена), но, безусловно, судьба его связана именно с Волоколамской библиотекой.

Отмечу, что индекс 2КБ, вошедший сюда, не полон — из всего комплекса статей, составляющих индекс, здесь переписана лишь часть, посвященная небиблейским истинным книгам. Несомненно, что эта часть является новейшей из всех многочисленных составных частей индексов истинных и ложных книг. Она возникла значительно позднее статьи о ложных книгах и статьи об истинных библейских книгах. Стало быть, этот вид индекса мог появиться в результате сознательного сокращения или же из-за дефектности протографа.

Как было сказано выше, индекс 2КБ (как и в целом Краткие редакции) возник в Кирилло-Белозерском монастыре и переписывался там весьма часто; в частности, самый ранний список входил в личный келейный сборник

⁴ Крутова М. С. Сборники «Златая цепь» в русской письменности // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5, ч. 1. С. 13.

Кирилла Белозерского.⁵ Однако там индекс всегда переписывался в полном объеме. Вопрос о месте возникновения «Златой цепи» из Епархиального собрания остается неясным, но представляется, что вряд ли она могла появиться в Кирилло-Белозерском монастыре, поскольку индекс явно нарушает традицию. Допустить же наличие дефектного протографа индекса у кирилловского писца просто невозможно — как уже отмечалось, в монастырской библиотеке имелось множество списков памятника.

Таким образом, редакция индекса, входящая в «Златую цепь», позволяет предположить, что рукопись возникла там, где кирилло-белозерскую традицию знали, но перестраивали ее в соответствии со своими представлениями или возможностями.

Стадиально более поздняя редакция индекса — Переходная (далее ПР) — также имела в библиотеке Волоколамского монастыря. Она входила в конвolutный сборник РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 583.⁶ В сборнике читаются следующие статьи: начало текста летописного свода 1495 г., отрывок из «Иудейской войны», молитвы Кирилла Туровского, отрывки из Шестодневов Иоанна Экзарха и Василия Великого; отрывок из послания неизвестного лица (Иосифа Волоцкого?) о еретиках, изречения Аристотеля, вопросы Антиоха к Афанасию Александрийскому, энциклопедические статьи, устав церковной службы, фрагменты из ранних летописных сводов.

Одна часть в этом сборнике датируется концом XV—началом XVI в., другая — 10-ми—началом 20-х гг. XVI в. А. И. Плигузов отмечает, что в состав конвolutа включены автографы Иосифа Волоцкого. Особый интерес исследователей вызвала более поздняя часть конвolutа, так как здесь на л. 108—179 имеются выписки, связанные с церковной историей и являющиеся черновыми материалами к Русскому Хронографу. Данные выписки сделаны, по мнению А. И. Плигузова, собственноручно Досифеем Топорковым, а материалы для них были получены у Максима Грека. С этой рукописью, как доказывает исследователь, был знаком и Вассиан Патрикеев.

Таким образом, более поздняя часть конвolutа отражала некую точку пересечения трех книжников. Напрашивается вывод, что книга могла быть создана в 20-е гг. в Симоновом монастыре, где в это время трудились Досифей Топорков и Вассиан Патрикеев. Там же в конце 10-х—первой половине 20-х гг. жил и Максим Грек.

Индекс ПР в рукописи переписан на л. 45—49 об. Б. М. Клосс, анализируя почерки сборника, приходит к выводу, что вторая часть индекса, расположенная на л. 48—49, относится к более поздней части конвolutа. Она переписана иной рукой, нежели первая часть этой библиографии (л. 45—47). Но почерк л. 48—49 присутствует также на л. 108—179, где имеется, по мнению А. И. Плигузова, автограф Досифея Топоркова. Таким образом, вторая часть индекса (л. 48—49) также переписана рукой этого же книжника.

⁵ Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского: Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003. С. 189—191.

⁶ См. об этом сборнике: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские рукописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 159—168; Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 167—168.

Репертуар индекса, вошедшего в данный сборник, характерен для индексов ПР.⁷ Однако имеется одно различие: в конце его добавлено несколько предложений — ламентация на тему, как бы «грехи над грехами» не сотворить. Ниже будет показано, что данная ламентация приписана к окончанию индекса не случайно и может быть откликом на весьма знаменательные для иосифлян идеи, выраженные в конечных строках индексов еще одной редакции, бытовавшей в Иосифо-Волоколамском монастыре, а может быть, и возникшей здесь.

Эту редакцию я называю Расширенной (далее РР).⁸

Наиболее ранний список индекса, вошедший в библиотеку Волоколамского монастыря, является также наиболее ранним списком индекса РР — он входит в сборник РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 13.

Этот сборник возник в 70—80-е гг. XV в.⁹ На нем имеется вкладная запись великокняжеского дьяка Даниила Мамырева:¹⁰ «В лето 6027 (1519/20) великого князя дияк Данил Момырев прислал сию книгу Филон по своему житью в Иосифов манастыр при игумене Даниле». Данную рукопись можно озаглавить как «Сборник книг премудростей» (она включает Катены на Песнь Песней, четий вариант Песни Песней, Притчи Соломона, Екклзиаст, Премудрости Менандра, Премудрости Иисуса Сираха). В качестве дополнительных статей переписаны: «Сон Иоаса царя Израилева», «Василия царя греческого главизны наказательны бб к сыну своему царю Льву», Ин-

⁷ ПР не была широко распространена; помимо Волоколамского, она известна мне лишь в четырех списках. В отличие от индексов Кратких редакций ПР включает в себя целый ряд указаний на памятники, пришедшие на Русь в период 2-го южнославянского влияния: сочинения Исаака Сирина, аввы Дорофея, «Никонский състав» (Тактикон Никона), Лавсаик, Зерцало (Диоптра).

⁸ РР является чрезвычайно распространенной в русских рукописях XV—XVI вв. В ней происходит дальнейшее расширение репертуара. Помимо известных по ПР, сюда включен еще ряд книг, появившийся в русской книжности с XIV—XV вв.

⁹ В рукописи использованы два сорта бумаги: 1) Бык: *Лихачев*. Вод. зн. 1020, 1021, 2592, 4033 (2-я четв. XV в.); 2) *Пиккар*, т. 2. Голова быка: № 58, 59 (1473, 1469 гг.); № 248 (1460 г.).

¹⁰ Дьяк Данила Киприанович Мамырев был весьма видной фигурой при великокняжеском дворе. Известно, что 6 мая 1493 г. он с греком Мануилом Ангеловым был послан в Венецию и Милан, где они наняли для работы в России строительных и других мастеров; вернулись в Москву летом 1494 г., «приведя» с собой «Алевиза мастера стенного и полатного, и Петра пушечника, и иных мастеров». После этого Мамырев выполнял различные великокняжеские поручения, а в 1503/04 г. был хранителем великокняжеской казны. С 1505/06 г. Д. К. Мамырев был дьяком при великом князе Василии Ивановиче. Последнее упоминание о нем относится к 1529 г., когда он дал свое с. Поникарово Троице-Сергиеву монастырю. «Данила Момырев» упомянут среди лиц, от которых поступали книги, вошедшие в опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г.: ему принадлежали две книги — «Бытие» и «Шестоднев» Василия Великого (см.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991. С. 32). Отмечу, что к этому времени относилась и деятельность другого дьяка, Василия Мамырева (1432—1490, дьяк с 1471 г.). Он сам переписывал книги, был заказчиком лицевого списка «16-ти пророков» 1489 г. Именно ему были доставлены гостями тетради Афанасия Никитина, содержащие автограф «Хождения за три моря». О нем см.: *Кучкин В. В., Попов Г. В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 г. // Древнерусское искусство. М., 1974. С. 107—145. Неясно, были ли два дьяка, Василий и Данила Мамыревы, находившиеся в этой должности один вслед за другим, однофамильцами или родственниками. Любопытно отметить интерес обоих дьяков к сборникам библейских книг.

декс истинных и ложных книг, «Повесть душеполезна о мужи благовернем», «О богатом властителе, к немуже придоша убозии». Нам неизвестно, где создавался сборник, однако можно отметить, что «Главизны Василия царя греческого к сыну своему Льву» входили в число любимых волоколамскими монахами и часто переписываемых произведений. На более позднем этапе существования волоколамской книжности, в середине XVI в., этот памятник войдет в устойчивую подборку текстов, переписывающуюся в составе многих рукописных сборников волоколамского происхождения и включающую ряд византийских княжеских зерцал и близких к ним по содержанию сочинений.¹¹ Индекс в Вол. 13 непосредственно примыкает к окончанию последней, 66-й главы Василия царя (л. 252—254), как ее часть и продолжение. Несомненно, составитель счел возможным такое присоединение, так как в 64-й главе этого произведения имеется поучение «о ползе о прочитании книжнем».¹²

Сборник содержит обильную правку текста, причем индекс также подвергнут правке. Самым значимым является исправление чтения «Стослов» на «Стоглав». Возможно, это исправление указывает на сборник, содержащий материалы Стоглавого собора; в этом случае правка производилась не ранее 1551 г. Также несколько исправлений сделано в части ложных книг. Сделан ряд вставок (указаны в квадратных скобках): **ЕНОУ** [на полях вставка: **ЛАМЕУ, ЗАВѢТИ**] **ПАТ** [поверх текста написано: **ПАТРЕАРШЕСТИ**]. ...**Илинно обавление** [между строк вставлено: **сирѣчь откровение**]. **Исанно видѣние** [на полях приписка: **что восходил на небеса и видѣл различныа престолы на седмих небесех и множество аггелъ**]. Эти вставки закрепились в рукописной традиции индекса: в ряде более поздних списков индекса РР они вставлены в строку; в списках XV в. таких вставок не наблюдается.

Проведенное сравнение 50 списков индексов Волоколамской редакции показывает, что перечень книг из Вол. 13 до исправления совпадает с архетипическими чтениями.¹³ Учитывая, что этот список является также самым ранним списком редакции, можно предположить особую близость его к архетипу.

Таким образом, Волоколамский список мог дать начало сразу двум текстовым группам РР — до правки и после правки.

Индекс РР с внесенными в строку правками имеется еще в одном сборнике — РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 497 (далее Вол. 497). Таким образом, выявляется текстуальная зависимость этой рукописи от Вол. 13. Вол. 497 можно датировать второй четвертью XVI в.¹⁴ Исследовавший сборник Я. С. Лурье считает, что этот сборник принадлежит к волоколамской книжной традиции¹⁵ и отражает интерес волоколамских монахов

¹¹ Синицина Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI). М., 1998. С. 133—252, 270.

¹² «Не ленис древних муж прочитати съветованиа, многа бо в них обрящещи потребнаа, и от инех ж всех вяще Соломонава же и Сократова. Аще хощещи, Исуса Сирахова прочитан учения, яко отнудь и цесарскыа и жителныа добродетели многы избрати».

¹³ Грицевская И. М. Индексы истинных книг. С. 62.

¹⁴ Датировка Б. М. Клосса.

¹⁵ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 298, 313; см. также: Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство. М., 1974. С. 158.

к кирилло-белозерской книжности, так как в его состав входит Устав Нила Сорского (без Предания и дополнительных статей).

Однако необходимо отметить, что в индексе Вол. 13 в заключительной части библиографии имеется правило, не встречающееся ни в одном из списков других редакций и поддержанное далеко не всеми дальнейшими переписчиками РР, в том числе не включенное и в Вол. 497.

Это следующий фрагмент: «Аще кто Божиѣ заповѣди прѣстоупитъ, а иметь еретичьская писанна оу себе дръжати, еже есть врагъ Божин, и влѣхвованиѣ нх вѣровати иметь кто, съ тѣми съ всѣми еретикы да боудутъ проклати.

Аще которыи отецъ дѹховныи, вѣдаа у себе таковаго въ стѣнѣхъ, а вѣдаа то в покаанни его, иметь ему в том потаковие дѣлати, приемаа его на частое покаанне без опитемни и без отлѹченна църковнаго, или иметъ самъ тожъ творити прежъ реченнаа сиа еретичьская влѣхвованна, да изврѣжетса сана по правиломъ сватѹхъ отецъ, и съ прежреченными еретикы, с тѣми да бѹдетъ проклатъ, а написаннаа та на тѣлѣ его да съжгѹтса».

Нам известны и другие правила, требующие сожжения еретических книг на теле (или на «челе») их читателей. Такое требование встречается в так называемом «правило Халкидонского собора», содержащем особый тип индекса ложных книг и известном А. И. Яцимирскому в 6 русских списках XV—XVII вв.,¹⁶ самым ранним из которых является сборник XV в. РГБ, ф. 304 (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 759. Любопытно, что в одном из сборников, содержащих данное правило (ГИМ, Синдальное собр., № 569, л. 265 об.—267 об.), сразу после правила на л. 267 об.—268 переписана статья под названием «Епископом в любви наказовати подобает, а не мучительно».

Замечу, что существует 63-е правило Константинопольского (Шестого) Вселенского собора о необходимости сжигать ложные книги о Мучениях святых («Повести о мучениках, врагами истины лживо составленныя, дабы обесславить Христовых мучеников и слышащих привести к неверию, повелеваем не обнародовать в церквах, но предавать оныя огню. Приемлющих же оныя или внимающих оным, как будто истинным, анафематствуем»). На Халкидонском (Пятом) Вселенском соборе вопросы ложных и истинных книг не рассматривались. Однако нам известно еще одно подложное правило, приписываемое Халкидонскому собору, — «Правило святых отец в Халкидоне на 5ем соборе собравшихся 165 о обидящих святѹя церкви».¹⁷ Это правило, столь же апокрифическое, как и правило, посвященное книгам, требует «огнем сожещи» упорствующих в присвоении церковного имущества. Происхождение обоих этих правил неясно; можно, однако, предположить единство их источника.

Нам известны также епитимийники из русских рукописей, в которых в качестве наказания за особые согрешения предписывалось сжигать на «челе» провинившегося некие вещи, послужившие источником греха (на-

¹⁶ Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской книжности. Пг., 1921. С. 10—11.

¹⁷ Бенешевич В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. Пг., 1914. Вып. I. С. 74—77.

пример, ГПБ, собр. Погодина, № 273, л. 430). Данная мера, однако, применялась в этом епитимийнике не к еретикам, а к монахам, нарушившим имущественные законы общежития и присвоившим себе что-то из имущества, по праву принадлежащего общежитию.¹⁸

Известно, что Иосиф Волоцкий и его последователи были сторонниками инквизиционных мер в отношении еретиков-«жидовствующих», и споры по этому поводу были весьма актуальны в конце XV—начале XVI в. Но этот текст возник ранее означенного периода и, следовательно, является доказательством существования у иосифлян данной тенденции до возникновения споров о ересях. Подчеркну, что ни одно правило, включенное в епитимийники из сборника Кирилла Белозерского, не содержало требования огня.¹⁹

Еще один индекс входит в рукопись РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 566, 20-е гг. XVI в.²⁰ Эта рукопись была келейным сборником рязанского владыки Леонида (пострижника и игумена до 1554 г. Иосифо-Волоколамского монастыря, истого «иосифлянина»), возможно, унаследованным им, по предположению Н. С. Тихонравова, от своего предшественника, участника Стоглавого собора, епископа Рязанского Кассиана.²¹ Сборник содержит материалы, целиком или в извлечениях вошедшие в Стоглав и касающиеся тем, обсуждавшихся на Стоглавом соборе 1551 г.: Кормчую Вассиана Патрикеева, заметки «о церковных неисправлениях», слово Феодорита о двуперстном сложении, «Никейского собора правило ереем, иже не облачаются в священные ризы, или неразумием, или гордостью, или леностью», «Правило Иоанна Милостивого» (о том же), «Слово о крестящихся» и др. А. И. Плигузов считает, что эта рукопись составлена в Симоновом монастыре, так как сборник соединил в себе волоколамскую и нестяжательскую литературные традиции: здесь находятся епитимийник Иосифа Волоколамского и «Собрание некоего старца» Вассиана Патрикеева.²² Наблюдения над индексом, вошедшим в данную рукопись, полностью подтверждают эту мысль. Редакция индекса (л. 377—379) здесь уникальна, она представляет собой комбинацию индексов Второй Краткой редакции (Уставной группы) и индексов РР. На л. 375—376 имеется еще один фрагмент библиографии, как кажется, взятый из индекса Первой Краткой редакции (группа Кормчей). Т. е. индекс, как и вся рукопись, возник на пересечении кирилловской и волоколамской книжности. Статья не включает требования сжигать книги на теле еретика.

И последняя иосифо-волоколамская рукопись, в которой находится известный нам индекс, — это РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 530. Это сборник письма Вассиана Кошки (ум. в 1568 г.), очевидно составленный в 1550—1560 гг. Н. В. Сеницина отмечает,²³ что данная руко-

¹⁸ Например: «Аще игумен обрящет в келии у чернеца или ризу или сапог или до медница, да сожжет ему на главе».

¹⁹ Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.

²⁰ Датировка А. И. Плигузова, см.: Плигузов А. И. Полемика в русской церкви... С. 103—104.

²¹ Дробленкова Н. Ф. Леонид // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 7—9.

²² Плигузов А. И. Полемика в русской церкви...

²³ Сеницина Н. В. Третий Рим. С. 270.

пись — один из многих сборников, в которых имеются устойчивые подборки византийских княжеских зеркал и близких по содержанию сочинений. Как иные примеры таких сборников приводятся рукописи из Волоколамского собрания № 488, 489, 522, 506. В эту подборку входят: «Изложение совещательных глав царю Иустиниану, сложенных Агапитом диаконом святейшия Божия великия церкви», «Василия царя греческого главизны учительны 66 к сыну своему царю Лву», «Сократа мудреца еллинского», «Аристотеля философа от епистолии ко Александру Македонскому», «Геннадия патриарха Константина града слово о вере», «Послание константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу-Борису». Названные сочинения, как считает исследовательница, образуют некий общий идеологический фон идеи «Москва — Третий Рим». А. И. Плигузов также подчеркивает принадлежность сборника иосифлянкой книжной традиции.²⁴

В рукописи имеется лишь индекс ложных книг (л. 370—379), представляющий собой своеобразный сложный комплекс перечней книг, взятых из разных источников. Нормы о сожжении ложных книг на теле еретиков здесь нет.

Крайне важен для нашей темы еще один сборник, не содержащий прямого указания на волоколамское происхождение, но, по-видимому, тесно связанный сразу с двумя крупнейшими книжными центрами — Геннадиевским новгородским кружком и Волоколамским монастырем. Это уставный сборник ГИМ, Синодальное собр., № 953 (далее Син. 953). На переплетных листах имеется запись XVII в.: «Книга Генадия архиепископа новгородского, уставец, прислана с патриарша двора в сем году». Сборник можно датировать концом XVI в., он содержит «Окозрительный устав» Геннадия, а также «Предание по уставу» — своеобразную редакцию Скитского устава, с начала XVI в. стабильно включавшуюся в Иерусалимский устав.

С «Преданием по уставу» тесно связано существование Уставной группы Второй краткой редакции индекса, которая создавалась как часть данной монашеской подборки.

Представляется, что список «Предания по уставу» в данном сборнике отразил текст, наиболее близкий к архетипу редакции. Это доказывается рядом особенностей текста, важнейшей из которых является отсутствие нумерации глав, весьма нестабильной в Иерусалимских уставах. Индекс в данном списке включает лишь часть ложных книг (соответствующий Уставной группе), перечня «истинных» книг нет, что также свидетельствует об архаичности текста.

После «Предания по уставу» в составе сборника содержится статья «Правило келейное иноку, предах архиепископ казанский Иеремия учеником своим, живучи у боголепного Преображения в монастыре в архимандритех». Иеремия Казанский (архиепископ Казанский с 1576 г., ум. в 1581 г.) был, по мнению А. И. Плигузова,²⁵ учеником Феодосия, архиепископа Новгородского, и входил в небольшой кружок учеников бывшего архиепископа в тот период, когда Феодосий жил в Волоколамском монастыре. В этом

²⁴ Плигузов А. И. Полемика в русской церкви... С. 151.

²⁵ Там же. С. 354.

кружке, помимо Иеремии, состояли Евфимий Турков и еще несколько монахов. Интерес Иеремии к новгородскому наследию понятен, он связан с его учителем Феодосием. Р. П. Дмитриева определила ряд сборников, созданных в кружке учеников Феодосия.²⁶ При этом отметила интерес, проявляемый Феодосием к материалам, связанным с Геннадием Новгородским.

Таким образом, представляется возможным предположить, что сборник Син. 953 является копией какого-то неизвестного феодосиевского сборника либо создан по материалам и в традициях феодосиевских сборников.

Как уже говорилось, индекс в рассматриваемом сборнике содержит лишь перечень ложных книг, соответствующий Уставной группе Второй Краткой редакции. Однако имеется одно отличие. В завершающем индекс 63-м правиле Шестого собора изменено окончание, и вместо предписания сжигать еретические книги имеется указание «огневи предати сия ж приемлющая». Ни в одном другом списке обеих Кратких редакций подобного указания не было. Данное изменение текста также может свидетельствовать о близости составителей иосифо-волоколамской традиции (а через нее и традиции геннадиевского книжного кружка).

Итак, судьба индексов в Волоколамском монастыре теснейшим образом связана не только с книжностью, но и с идеологической борьбой, которую вели иноки монастыря и которая особенно ярко проявилась в противостоянии Волоколамского монастыря Кирилловскому. Однако анализ развития индексов в двух этих монастырях позволяет увидеть не только противоборство, но и преемственность книжности двух крупнейших монашеских корпораций Древней Руси.

Как было показано, индексы из четырех волоколамских сборников ГИМ, Епархиальное собр., № 367; РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря), № 497, 583, 566 иллюстрируют заимствование и обогащение кирилловской книжной традиции иноками Волоколамского монастыря. Как сами эти сборники стояли на пересечении разных книжных традиций, так и индексы, переписанные здесь, показывают нам, вопреки противоречиям между монашескими корпорациями, сотрудничество и преемственность русских книжников.

Однако, помимо глубинного единства книжников-монахов, индексы показывают также и идеологический раскол даже внутри столь известной своей спаянностью Волоколамской монашеской корпорации. Это связано с вопросом об отношении к наказаниям еретиков, и конкретно, читателей и распространителей еретической литературы. Известно, что сам Иосиф Волоцкий и, наверняка, многие его ученики были сторонниками жестких инквизиционных мер в отношении еретиков, что находит отражение в индексах РР, наиболее ранние списки которой сохранились в рукописях Волоколамского монастыря. Как отмечалось, здесь содержится требование сжигать еретические книги на теле еретика.

Вместе с тем далеко не все волоколамские книжники поддерживали инквизиционные идеи. Это выражалось иногда просто в изъятии правила (например, в индексе из сборника Вол. 497, переписчик которого, несомненно,

²⁶ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 213—214.

был знаком с версией текста, включающей требование сожжения еретических книг на теле еретика). Иногда, возможно, появлялась и скрытая полемика с инквизиционным требованием. Так, Досифей Топорков, ярый иосифлянин, вместо инквизиционного правила в конце индекса приписывает строчку о своем опасении «грехи над грехами» сотворить.

Исследование структуры сборников, содержащих индексы, помогает прояснить некоторые моменты в истории бытования различных памятников. Именно исследование индексов дает возможность понять судьбу обширной и очень распространенной подборки монашеских глав, продолжающих Скитской устав, — «Предание по уставу». Изучение этого памятника и индекса, входящего в него, позволяет также сделать предположение о зависимости сборника Син. 953 от трудов членов кружка Феодосия Новгородского в Волоколамском монастыре.